

Родилась в 1983 году в Ленинграде, проживает — в Санкт-Петербурге. Загадав в детстве желание стать поэтом, до сих пор пытается его исполнить. В 14 лет поступила во взрослую музыкальную школу им. Римского-Корсакова по классу фортепиано, которую с трудом закончила, учась на 1 курсе института. Пианистки не вышло, но музыка стала спусковым крючком. В подzemке, под шум электрички и музыку Мендельсона родились первые строчки, напоминающие поэзию. В старших классах выбрала себе профессию, являющуюся чем-то средним между химией и геологией, и имеющую прекрасное название «обогащение». Это и стало девизом жизни. Окончила Санкт-Петербургский Горный институт по специальности «Обогащение полезных ископаемых», по которой и трудится 10 лет. Занимается проектированием обогатительных фабрик и разработкой технологий переработки сырья, имеет даже несколько научных статей, опубликованных в Горном журнале. Стихи публиковались в интернет-журналах "Точка зре-

ния", "45 параллель", "Пролог", несколько раз попадали в десятку лучших стихотворений месяца еженедельника "Истоки", а декабре одно из них даже стало первым («До двери»). Победитель одного конкурса "Современная русская поэзия 2013", организованного обществом "Поэты России". Попадание в лонг-листы премий "45 калибр", «северная земля», «малой премии им. Капустина» в 2014 году. В апреле 2015 года в рамках книжной серии премии «Северная земля» вышла моя визитка — книжка стихов «Маяк для Стикса».

МАЯК ДЛЯ СТИКСА

I

Я между лесом, где пугаюсь льва,
волчицы, рыси, лишь бы только выжить,
и городом, что городом едва
могу считать, болтаюсь и не вижу,
другой дороги. Мерзок город Дит,
скрывает сформированные в теле
последние круги, где душ артели
суровость наказания не щадит.

II

Места для искупления грехов
являют конус с опрокинутой вершиной,
вонзённый в землю. Мука жизнью длинной
страшней успеха. Круги мельчат с верхов,
пороки облегчаются с низов.
Нет, ад — не ремешок, не угол,
в нём души не играют роли пугал
для устрашения других, смотреть в глазок
туда не стоит — Бог не милосерден,
будь он добрей, не сотворил бы ад.
В Египте его нет, весомой ка
гуманно предназначено стать снедью
льва с крокодильей головой. Но город Дит
содержит страшные круги и злые щели,
а маяки его ведут к плачевной цели.

Вокруг же стен его страдание смердит.

III

Безвольных слёз потоки, не спеша,
стекаются в Стигийское болото.
Когда полтона потеряет нота,
срываясь в плач, отчаётся душа,
я попадаю в скорбные места,
не знающие веры и надежды.
С меня срывает сторож-бес одежды,
но видит пламя обнажённого креста.
Он, чертыхаясь, одевает, отпустив —
негоже, чтобы в общество гневливых
влетала птица с веткою оливы.
Здесь лишь один маяк, ведущий всех на риф.

IV

И я с зажжённой спичкой выбираюсь,
прося прощенья каждый раз за то,
что, отклоняясь от дороги непростой,
к унынию склоняюсь, а не к раю.

Но тут же из тюремного болота
несчётное число костлявых рук
меня хватают, берегут от мук,
что будто меня ждут, но их забота
мне ни к чему. Я ввязываюсь в спор,
где расточители дерутся со скупцами.

Стерпев удары с неприятными словцами,
причём, от тех и от других, что мне - позор,
я принимаю дождь и крупный град,
что хлещут по бокам похлеще плети,
огромный смерч меня по кругу вертит
с желудком вместе. Я миную ад,
минуя Лимб, не повидав Лукана.

Переборов презрение к червям,
боль от укусов пчёл, любовь к корням,
об кои спотыкаюсь непрестанно,
возненавидев середину, как предлог,
оказываюсь я в чащобе жизни,
где человеческие хищники и слизи
сильней пугают, чем во гневе Бог.

Маяк для Стикса — маленькая спичка
 моей надежды, извлеку урок;
 уныние — вот главный мой порок.
 Огнями дьявольскими город весь напичкан.

ДО ДВЕРИ

Попробуй только выползти из кожи
 до откровения, что это невозможно,
 где человек без Бога безнадежен,
 а с Богом видит то в себе, что до лжно.
 Попробуй шаг от гаснущей природы
 свершить до возмущенья, что не пущен
 сетями, что опутывают сроду
 с грядущим каждым поколеньем гуще...

Закрытая душа истошно ищет
 пути из клеток, чьих не знает кодов;
 но что ни взлом - то закуточек нищий,
 где света нет, и нет водопровода;
 лишь сердце, извергающее Этной
 всё умертвляющий собою пепел...
 по кругу; жизнь греховна, ибо смертна...
 Любовь же, всепрощая, долготерпит,
 доколе прикрываем сверху кратер
 листом бумаги белого формата...
 А что внутри? За равновесье ратуй;
 поспит гора сегодня, вспыхнет завтра...

Договоришься с ней - наполнит тело газом;
 лукаво ощущение, что лёгок...
 Свет проникает сквозь открытый разум,
 забывший все мерилы, кроме Бога,
 и мыслью путь Ему не преградивший...

Вот ветхий дом, вот свет в его окошках
 в печи полешки и кровати в нише...
 Порой мелькнёт в дыму и сгинет крошкой...

Кто выше силы, с коей тянут корни
тела и души в землю и песок до
состояния холодной преисподней,
теряющих тепло промокших лодок,
что пришвартованы так близко, что бортами
соприкасаются, когда качают волны?...

Но ни один научный департамент
желанье греться по-иному не исполнит,
лишь трением...

...Детей ни за заслуги,
ни за проделки любят их мамы,
туда-сюда не мечется их флюгер
и лист не вянет, даже оборвавшись...

Проедусь по перилам проржавевшим
парадной, где темно, где грязь и крысы...
Прикосновением пальцев дверь, пропевши,
отворится и солнце впустит с выси.

ВИНОДЕЛЬНЯ

Мелкий пустынный песок обдирает обтёсанный камень,
словно в ступке алхимик стирает память, вслед за домами...
Где ни копнёшь — повсюду находишь следы альбумина;
кровь не сладка — её горечь ни с чем не сравнима...
Страна — лишь бокал для обычаев, наций, смешений народов,
обрядов, исповеданий, страданий, переворотов...

Вино подливается постоянно скрывающимся официантом,
вместо приправ акведук, шатуном проснувшийся мирный атом...
Время, как местный алкаш, не способно остановиться —
в глотке лужёной сгнули первые, сгинут и те, кто припозднится...
Букеты вина сменяются — войны и перемирия, моры, вакцины, лазер,
железные зайцы, везущие работяг, ядерный эквалайзер3...

Небо стало экраном, замелькали картинки истории вечной —
страшные хроники, сами себя лишившие дара правдивой речи...

В горячий сахарский песок погружаешься, словно в воду,
под ним, как на дне морском, корабли, спрессованные в колоду,
вырывающие из прошлого мачты фантомные бороздить океаны
расширять владения, кругозоры, границы и даже свои карманы...
Как мы, стремились куда-то, зачем-то, но сгнули в горле комом,
оставив выцветшие мозаики, а будущему — оставим что мы?

Но когда-то иссякнет сырьё для выращивания винограда,
когда-то кран капнет в последний раз и, может, так будет надо —
крути не крути вентиля — что-то ухнет в невидимом винопрово де;
сосуд останется пуст, и истина, наконец, окажется на свободе...
Время, может быть, протрезвеет, или умрёт от ломки
в пустой нарколожке...
время, что держит жизнь за хрустальную тонкую ножку...

Из ничего в ничто проливается мир осязаемый, материальный,
выщеживая из времени в вечность чью-то непостижимую тайну...

И только Бог взирает с небес, следя за своей винодельней,
как мы отмечаем в календарях за понедельником понедельник

ТОЛЬКО ВЧЕРА

Только вчера мяла ногами клевер,
только с утра зелёнка сошла с коленок,
содранных шкуркой просёлочных двухколеек,
чьи сети походят на реки или на невод...

Поймали меня, девчущку, на сердце скрежет...
Вот поле, пролесок, поле, деревни остаток ...
Острый стебель, камешек, в сердце с пяток
упал, и месяц за старой баней дубы изрежет...

Метр с кепкой глядит отметкой кинжала,
будто вчера осушила до дна колодец,
где кальция столько, что я доросла до солнца;
летала во сне, а не жизнь свою проживала...

Сон погружал меня в воду, всё глубже и глубже,
года множились кольцами, худыми и полными...
И, не просыпаясь, я сыпалась дождиком вольным,
потом отражала звёзды зеркальцем лужиц...

КРЫЛЬЯ

I

У самолётов есть крылья, и есть у птиц,
даже у зданий, заложенные проектом...
Я ни одного не смогла отрастить,
даже дефектного...

II

Не добрести до дома, не зацепившись ступнёй
за порог, поребрик, корягу, за чёртов булыжник...
За веру держась, но падая всё равно,
не крылья поддержат — Бог и поможет ближний...

III

Гелием из баллона наполнили каучук,
но он долетел, облегчённый, до сини небесной,
мальчика приподнял и пронёс чуть-чуть —
радостью над окрестностью...

ИЛЛЮЗИЯ ОСТАНОВИВШЕГОСЯ ВРЕМЕНИ

Опечатана вечность
для душ, изнутри запечатанных.
Не отворится дверь
на биенье сердец заколоченных.
На сетчатках зрачков,
как на двух беспросветных ватманах,
не рисуется красочным мир,
что попал в червоточину.

Одиночество-чревоугодник,
раскрывшее челюсти,
поглощает всего человека,
обращая в заложника.
Не хватает ни сил, ни желанья,
ни просто, смелости,
приподняв свои веки,
впустить светового художника.

Только стрелки часов,
обращаясь по кругу ускоренно,
выше скорости света,
рождают иллюзию скучную,
будто замерло время,
заставив отбросить в сторону
все желанья до лучших времён,
но они уже стали минувшими.